
ЯНВАРЬ
№ 1
1976
МУРЗИЛКА
ЗНАК ПОЧЕТА
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

НА НАШУ
ЗЕМЛЮ
ПРИШЁЛ
НОВЫЙ,
1976 ГОД!
январь
1
май
август
сентябрь
октябрь

Опять хорошим будет год!
А может, лучшим самым!
В честь съезда партии родной
Готовят рапорт трудовой
Все наши папы, мамы.
Они во всём пример для нас,
Они у нас — рабочий класс.
И мы от них не отстаём,
Прилежно учимся, растём,
Чтобы продолжить смело
Их доблестное дело.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

С НОВЫМ ГОДОМ!

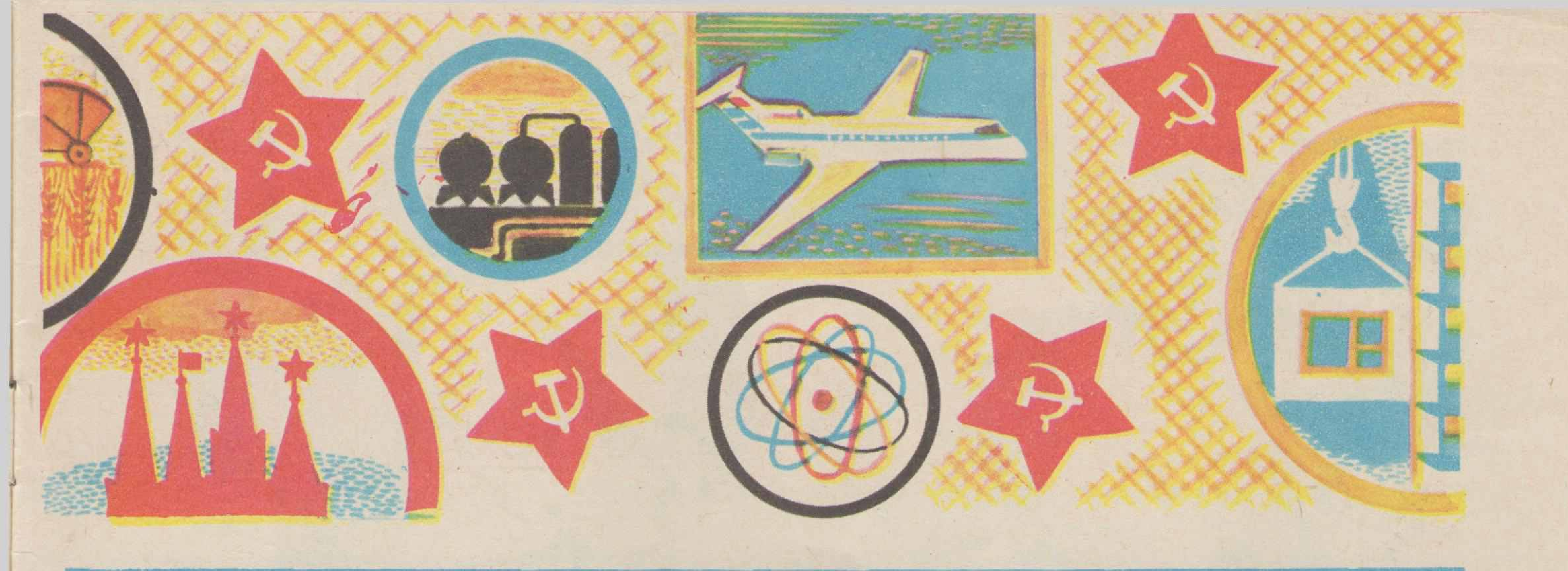
В ночь на первое января планета Земля завершила очередной виток вокруг Солнца. Год 1975-й кончился, начался год 1976-й. В эту минуту люди зажгли на праздничных ёлках огни и торжественно сказали друг другу:

— С Новым годом! С новым счастьем!

...Двенадцать несхожих месяцев в году. Такой-то знаменит цветами на лугах, такой-то метелями, такой-то улетающими журавлями. Но будут они и схожи — каждый из двенадцати люди прославляют своей работой. В нашей общей работе заключается наше общее счастье. А все так желают счастья друг другу!

1976 год начинается самой важной из всех работ, какие только есть у страны. В феврале в Москве будет работать XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. С ленинской муд-

ростью, с ленинской заботой о народе он разработает планы нашей жизни на будущее.

Люди ждут открытия съезда. Люди готовят ему подарки — самые дорогие подарки, такие, в которых ударная работа: выработанные сверх нормы ткани, точно сработавший на Венере космический аппарат, пущенный до срока новый завод.

Работа. Работа. Работа. Разве есть что-нибудь нужнее её? Разве может быть что-нибудь сильнее её? Всё ей подвластно. Всё она может. В общей работе — наше общее счастье.

Ты, октябрёнок, маленький. А и от тебя зависит общее счастье. Чтобы оно до конца было полным, учись получше в школе — получше делай свою работу.

С Новым годом, маленький работник Советской страны!

С новым счастьем!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

Главы из повести

Юрий ГЕРМАН *Рис. В. ЧАПЛИ*

Я ЗАБОЛЕЛ!

Ну и штука, я заболел скарлатиной.

Вылезаю я из ванны, а мама говорит:

— Ну-ка, ну-ка, что это у тебя такое?

А у меня на груди, и на ногах, и на животе сыпь. Мама говорит:

— Садись обратно в ванну, я быстро в книжке посмотрю.

Убежала и возвращается с книгой. Прочитала, потом говорит:

— Сыпь малинового цвета. Так. Щёки красные — так. Нос белый — совершенно верно.

И как заплачет! Завернула меня в простыню, потом в одеяло, потом ещё в одеяло, положила на кровать, суёт мне градусник. А слёзы по щекам так и льются. И спрашивает меня:

— Горло болит? Глотать больно? Говори скорее, я с ума схожу.

Я принялся глотать — болит. Она мне ложку в рот:

— Говори: а-а-а.

— А-а-а!

— Так и есть. Давно горло болит?

— Утром болело, а потом прошло, а потом опять заболело.

— Почему же ты мне раньше не сказал? Что за мальчишка такой, я тебя больного в ванне мыла...

Сразу доктор пришёл и сказал, что меня заберут в больницу. Мне это не понравилось, но он объяснил, что там много ребят и скучно мне не будет. Утром, я как раз какао пил, входят два человека в белых халатах, и один, молодой, спрашивает:

— У кого тут воспаление лени?

Я отвечаю:

— Воспаления лени у меня нету, я учусь хорошо, а скарлатина у меня есть. Вы на машине приехали? Сейчас какао допью, и, если хотите, поедем. За девочкой Лошадкиной вы тоже приезжали? Вот, наверное, ревела?

А мама у них спрашивает:

— Скажите, это не опасно, что он так много говорит? Как сорока, а температура всего тридцать семь и шесть.

Постарше отвечает:

— Все они как сороки.

Меня положили на носилки, закутали в одеяла и понесли. Потом в машину носилки засунули, и который помоложе сел рядом. Как раз в эту минуту папа к дому подбежал.

— Не робей, — кричит, — Мишка, и в больнице люди живут!

Вот уж не думал, что мне удастся прокатиться в «скорой помощи».

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Положили меня в больницу и говорят:

— Очень у Мишки лёгкий случай скарлатины. Вот бы всем такую скарлатину. Это очень милая скарлатина.

Надоело мне всё это слушать. Один доктор придёт посмотрит, другой придёт посмотрит — даже в глазах мелькает. А мама моя под окошком стоит и смотрит. Мама уйдёт, папа придёт.

И очень шумно вокруг. Как в школьной раздевалке. Кроватей много, везде ребята, все выздоравливают. Один кричит: «Пить давайте!», другой кричит, что горшок ему надо, третий домой хочет, четвёртый в пододеяльнике ногой запутался — ужас...

Вот день я пролежал, другой пролежал, вдруг смотрю — несут к нам в палату взрослого дядю. И кладут его на большую взрослую кровать. А он весь красный — и спит. «Что, — думаю, — такое? Это же больница для детей. И скарлатина — детская болезнь. Откуда тут взрослый?»

На другой день нянечка нам объяснила: ну и штука — это лётчик, можете себе представить. Настоящий лётчик. У него дочка заболела скарлатиной, и за нею он заболел. А теперь лежит и бредит, говорит какие-то непонятные слова, и всё время рядом с ним специальная нянечка сидит.

Очень долго он спал.

Всё утро, и день, и вечер, и всю ночь спал, и ещё день, и я сам слышал, как главный наш доктор про него сказал:

— Плохо. Чрезвычайно плохо. Хуже не бывает.

Весь следующий день под моим окном стояла какая-то женщина, заглядывала к нам и плакала. И спрашивала у меня, прижав руки к стеклу:

— Как там Алексей Павлович?

— Плохо, — говорил я, — очень плохо. Хуже не бывает.

А вышло всё наоборот. Алексей Павлович в это время уже поправлялся и вечером громко спросил:

— Как это понять? Почему так много детей? Что я тут делаю?

Специальная нянечка сразу проснулась и захлопотала вокруг лётчика, принесла ему чаю в чашке, на которой был нарисован цыплёнок, и позвала к нему главного доктора. И главный доктор объяснил.

— Видите ли, — сказал он, — у вас скарлатина. Взрослые редко болеют этой болезнью, и потому вас положили к детям. Но кровать у вас взрослая, а что чашка с цыплёнком, то вы уж нас извините, у нас есть ещё с коровками, с собачками и с кошечками.

— Тогда уж дайте мне чашку с собачкой, — сказал Алексей Павлович.— А тарелку с коровкой. Насчёт того, что тут много детей, я не возражаю. Если же они всё время будут трещать как сороки, то я со своей кроватью уйду в коридор, вы позволите?

Мы все сразу замолчали.

И с этой минуты в палате стало потише, потому что никто из нас не хотел, чтобы военный лётчик Алексей Павлович уехал от нас в коридор.

— Так-то, ребята, — сказал лётчик, когда главный доктор ушёл, — видите, какая история. Ничем я в жизни не болел, и вдруг хлоп — скарлатина. Даже неудобно будет товарищам рассказывать.

— А товарищи у вас тоже лётчики? — спросил я.

— Есть и лётчики, — сказал он, — всякие есть у меня товарищи...

Тут мы все загалдели и стали просить Алексея Павловича, чтобы он нам рассказал про самолёты, про воздушную войну и про лётчиков. Но он отказался, потому что был ещё слабый и хотел спать. И тут мы все сразу затихли, потому что он ведь мог уехать в коридор.

— Начну поправляться, тогда всё расскажу, — сказал Алексей Павлович, — и про истребителей, и про штурмовиков, и про бомбардировщиков. А сейчас команда вам всем: спать!

УШИ БОЛЯТ

Лёгкая-лёгкая была у меня скарлатина, да вдруг сделалось осложнение на уши. Это да, это больно. Лежу и плачу, вот как больно, и никакая нянечка не может меня утешить. И никакое варенье из клубники не хочу есть, и никакую пастилу, и никакие картинки в книжках не рассматриваю. Очень это плохо, когда такая болезнь привяжется.

Вот ночью однажды проснулся и вскочил прямо — так больно. А тут откуда ни возьмись Алексей Павлович.

— Худо тебе? — спрашивает.

— Худо, — говорю.

— Плачешь? — спрашивает.

— Нет, — говорю, — это просто вам так кажется. Жарко тут, наверное, вспотел я.

— Тогда, — говорит, — оботри пот и раскройся немножко. Да слушай. Рассказывать стану. Можешь слушать? Про лётчиков-истребителей и про всё, что хочешь.

Можете себе представить? Все спят, даже нянечка дежурная спит, тишина в палате, а мы вдвоём с военным лётчиком сидим, и он мне рассказывает. Ох и рассказывал он здорово! Как его самолёт загорелся в воздухе и как он стал падать. И какие у него были ожоги по всему телу. Вот привезли его в военный госпиталь, положили на кровать, лежит он и думает: плакать или не плакать? Уж очень больно, а если слишком больно, то взрослые тоже иногда плачут. Но он не заплакал. И не застонал даже. Закусил зубами подушку и, пока боль не прошла, тихонько лежал. Потому что врага победить — это ещё полдела, а вот свою боль победить и не заплакать — это главное дело.

Потом рисовать мы с ним стали, вот это да, вот это рисунки. Все самолёты он мне нарисовал, и когда какой строй у самолётов бывает — всё нарисовал, и как здорово: строй парой, и строй пеленга, и строй фронта, и строй клина, и строй колонны звеньев, а потом штопор мне нарисовал и скольжение листом — это такие фигуры, которые самолёты выделывают. И воздушное сражение мне цветными карандашами рас-

красил — небо, и самолёты, и взрывы, и разное другое — военное.

Проголодались мы с ним и давай его бутерброды уплетать. Съели, за мою пастилу взялись. После пастилы варенье прикончили. И тут только я про свои уши вспомнил. Даже руками потрогал.

Алексей Павлович спрашивает:

— На месте?

— На месте, — говорю.

— Не болят?

— Чуть-чуть болят, — отвечаю.

— Выспишься — и вовсе пройдут. Спокойной ночи тебе, Мишка.

— И вам, — отвечаю, — спокойной ночи, Алексей Павлович. Спасибо вам за ваши рассказы и картинки. Завтра, если вы хотите, я вам буду рассказывать.

Ты прочитал три главы из повести писателя Юрия Германа. Она — о детях, которые во время Великой Отечественной войны оставались в Ленинграде и пережили трудное время блокады. Полностью повесть напечатана в журнале «Звезда».

Даниил ХАРМС

Кораблик

По реке плывёт кораблик,
Он плывёт издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.
У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты!

Удивительная кошка

Несчастная кошка порезала лапу,
Сидит и ни шагу не может ступить.

Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу,
Воздушные шарики надо купить!

И сразу столпился народ на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.

А кошка отчасти идёт по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!

Рис. Б. КЫШТЫМОВА

Вот это интересно!

Виктор ГОЛЯВКИН

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О — кружочек и Т — молоточек. И всё.

Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его учить, но он сейчас же придумывал уловку:

— Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И, конечно, не знали, что сын их до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух. А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами. «А зачем мне учиться читать, — рассуждал он, — если бабушка мне вслух читает». Он и не старался.

И в классе он увиливал как мог.

Учительница ему говорит:

— Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала.

Под смех класса он говорил:

— Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

— У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды его учительница к врачу послала.

Врач спросил:

— Как здоровье?

— Плохо, — сказал Гога.

— Что болит?

— Всё.

— Ну, иди тогда в класс.

— Почему?

— Потому что у тебя ничего не болит.

— А вы откуда знаете?

— А ты откуда знаешь? — засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу, раз он попался.

Больным больше Гога никогда не притворялся, но увиливать продолжал.

И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

— Давай будем серьёзно учиться, — сказала ему Маша.

— Когда? — спросил Гога.

— Да хоть сейчас.

— Сейчас я приду, — сказал Гога. И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

— Ты куда? — спросил Гриша.

— Иди сюда, — позвал Гога.

— Зачем?

— А здесь нам никто мешать не будет.

— Да ну тебя. — Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл.

Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

— Теперь я каждый вечер, — сказала она, — буду читать эту замечательную книжку своему сыночку.

Бабушка сказала:

— Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

— Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разленился до такой

степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться в мою комнату на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала ему читать из этой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия.

Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

И так мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, воображал наивно, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

— А дальше читай сам, — сказала ему мама.

Он сразу предложил:

— Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она так быстро не засыпала в своём кресле! «Действительно ли, — думал Гога, — она спит или ей на совещании поручили притворяться?» Гога дёргал её, тормошил, но бабушка и не думала просыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книге!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту.

Он пристал к старшекласснику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он никогда не узнает, что дальше в книге, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться.

Читать самому.

Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

Рис. В. ПЕРЦОВА

А. ЛЕЛЬЕВР

Рис. Н. ЭСТИСА

ГДЕ АПТЕКА?

В городе Лысогорске делали ремонт. Все дома покрасили, а вывески на дома повесить не успели.

В это время в город Лысогорск пришёл путешественник.

— Скажите, уважаемый, — обратился он к прохожему, — как найти аптеку?

— О, это очень просто, — ответил прохожий. — Аптека окрашена в тот же цвет, что и почта.

— В таком случае как найти почту?

— Почту найти легко: в ней столько же этажей, сколько в булочной.

— Но как найти булочную?

— Булочную вы сразу найдёте: она выше парикмахерской.

Путешественник на секунду задумался и тут же безошибочно отыскал аптеку.

А сколько времени для этого нужно тебе, дорогой читатель?

На рисунке ты видишь точное изображение города Лысогорска.

ПЛАКАТ „МУРЗИЛКИ“

МЫ ВСЕ КАЖДОЕ УТРО ДЕЛАЕМ ЗАРЯДКУ!

Рис. В. ДМИТРЮКА

ПОЛСТРАНЫ ПО ВОДЕ.

ЗДРАВСТВУЙ, МИЛАЯ КАРТОШКА!

МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ.

МУРЗИЛКА ЗА РУЛЕМ.

Мурзилка и писатель Лев Кузьмин в гостях у картофелеводов совхоза „Луговской" Пермской области.

— Беги, Мурзилка, в каюту, собирай чемоданчик! Наш быстроходный теплоход причаливает к берегу. Мы на Каме-реке, в Пермской области, в Приуралье.

— Ой, как здорово! Ещё недавно были в Химкинском порту, в столице, а теперь уже в Приуралье. Выходит, мы полстраны прошли по воде?

— Выходит, что полстраны. Глянь, какое раздолье вокруг! Над высоким берегом столетние сосны шумят, ромашковые луга раскинулись, далёкие холмы за лугами синеют. По холмам тени от облаков бегут, новенькие посёлки пестреют крышами, буровые вышки да заводские трубы в небо смотрят... Сразу видно, что этот край — рабочий. Верно, Мурзилка?

— Верно. А мы тоже на завод пойдём? Ведь наш теплоход уже причалил.

— Мы тоже пойдём на завод. Только не на тот, где дым да трубы, а на завод солнечный, полевой.

— На полевой? Как так?

— А вот так... Смотри, куда нас привела тропинка. Видишь поле? А по всему полю кустики зеленеют рядами, на кустиках цветы словно белые бабочки. Их солнце греет, ветер колышет, и они вот-вот полетят... А ряды такие ровные, такие длинные, как будто кто их провёл по тугой зелёной нитке до самого дальнего леса, до горизонта.

— Так это же картошка растёт! На завод здесь ни капельки не похоже.

— Правильно. Это картошка. Но про завод не спорь, потом поймёшь... Ты любишь картошку?

— Ещё как люблю! Картошка — второй хлеб. Я про неё даже песню знаю. «Здравствуй, милая картошка, пионеров идеал!» Давай вытянем кустик, разведём костёр да и попробуем испечь две-три штучки.

— Так, Мурзилка, нельзя. Надо сначала у хозяина спросить.

— А кто хозяин?

— Хозяин поля — совхоз «Луговской», а ухаживает за картошкой Мерзляков Виктор Данилович с товарищами. Их звено прямо так и называется — картофелеводческое. За одно лето звено выращивает столько вкусной картошки, что её хватит на завтрак, на обед и на ужин целой Москве. Если собрать этот картофель в одну горушку, то горушка будет весить восемь тысяч тонн. А если погрузить её в поезд, то понадобится не один электровоз и больше сотни огромных вагонов.

— Ничего себе горушечка! А сколько у Виктора Даниловича товарищей? Тоже сто? И все, наверное, сильные-пресильные, как богатыри?

— Вот и нет. В звене их всего пятеро. Комсомольцы Саша Зеленин, Женя Григорьев, молодые коммунисты Василий Ефремов, Леонид Аликин и сам Виктор Данилович. И никакие они не богатыри, просто мастера на все руки.

— Ну чем же их поле похоже на завод?

— Поле не похоже, да зато сама работа у них идёт как на заводе. Всегда по часам и точно в срок. Они сосчитали, что на выращивание, посадку и уборку одного центнера картошки у них уходит всего 38 рабочих минут. И всю работу, Мурзилка, они делают, как на заводе, машинами.

— Всю, всю?

— Всю, всю. В звене есть и красивые, на резиновых колёсах тракторы «Беларусь», и навесные плуги, и культиваторы, и сажалки, и поливалки, и машины

для разбрасывания удобрений, и уборочные комбайны «Дружба». На какую когда надо, на такую машину картофелеводы за руль и садятся.

— Ух ты! Вот бы мне к ним в звено поступить!

— Поступить, Мурзилка, не просто. Надо многому сперва научиться. Надо знать, как землю правильно пахать, как за картошкой ухаживать: когда сажать, когда поливать, чем подкармливать, как от сорняков да болезней сберечь... Чтобы картошки вырастить ещё больше, все в звене и сейчас не перестают учиться, а сам Виктор Данилович недавно получил диплом агронома, да еще и книгу про своих друзей-товарищей написал. Называется «Опыт и урожай».

— Значит, он сам хороший товарищ и совсем как настоящий учёный.

— Верно, Мурзилка. За отличную, дружную работу звено не раз получало награды, имеет бронзовую медаль ВДНХ, а у Виктора Даниловича орден Трудового Красного Знамени.

— Вот бы с ним повидаться, а?

— Пожалуйста... Он сам к нам вдоль поля трактор с культиватором ведёт.

— Ой, и верно! Он и трактор ведёт, и нам рукой машет. А волосы у него от солнышка светлые-светлые, а лицо загорелое, молодое и очень весёлое. Можно, я к нему в кабину попрошусь?

— Можно.

— Дядя Витя! Виктор Данилович! Прокатите... Дайте порулить хоть одну минуточку.

— Садись, Мурзилка, рули. Только зелёные рядки не задень. Руль держи крепко... По-ехали!

Рис. В. ГОШКО

Григоре ВИЕРУ

Можно войти?

В зонтик постучался дождь:
— Тук-тук-тук,
можно к вам?
— Нет, обождёшь,
уходи-ка, друг! —
В крышу постучался дождь:
— Тук-тук-тук,
можно к вам?
— Нет, обождёшь,
убирайся, друг!
В пашню постучался дождь:
— Тук-тук-тук,
можно?
— Здравствуй, как живёшь?
Жду тебя, мой друг!

Кран

На стене сверкает кран,
Серебристый кран.
Поверну — вода польётся,
Колокольчиком зальётся:
Дзинь,
Дзинь,
Дзинь!
Просыпаясь по утрам,
Мама открывает кран,
И меня торопит в школу
Колокольчик мой весёлый:
Дзинь,
Дзинь,
Дзинь!
Что ни утро, рано-рано
Слышу чистый голос крана.
— В школу, в школу! — он поёт,
Опоздать мне не даёт.
Дзинь,
Дзинь,
Дзинь!

Перевёл с молдавского Я. АКИМ

Рис. В. ДМИТРЮКА

САМАЯ УМНАЯ ЛОШАДЬ

Юрий КОРИНЕЦ

Рис. В. ЛОСИНА

С Самой Умной Лошадью я работал некоторое время в одном казахском колхозе, в бескрайней степи, под горою Семиз-Бугу. По-казахски это значит — Жирный Олень. Было это во время войны, в трудные годы. Всем тогда было нелегко, мне тоже, тем более что был я ещё почти мальчишкой, вырос в городе, а в колхоз попал случайно, без отца и без матери. Много я там перепробовал профессий — был и трактористом, и пахал на быках, и возил зерно, и скирдовал сено. Порою тяжёлый физический труд был мне с непривычки не под силу, и я от этого очень страдал.

Но бывали там в моей жизни и прекрасные мгновения, даже дни, когда я наслаждался свободой и одиночеством, правда, в границах горизонта и всё под тем же неусыпным взглядом горы Семиз-Бугу, но всё-таки. Было это на отгонной животноводческой ферме, где я год работал пастухом. Доярки меня жалели и ценили — от меня зависел надой — и подкармливали молоком. Пас я скотину зимой с утра до вечера, а летом круглые сутки. Летом мне было особенно хорошо! Дело в том, что я был тогда плохо одет и на людях стеснялся, а в степи мне стесняться было некого. Смотрели на меня быки, коровы да овцы, но они смотрели добродушно, безо всякой насмешки. Во всяком случае, так мне казалось. И когда я говорю: наслаждался свободой и одиночеством, я имею в виду именно те часы, которые я провёл со стадом. Общался я там с быками и коровами, изредка с овцами переругивался — уж очень они бестолковы! — но более всего я разговаривал со своей лошадью. Людей на ферме было немного, и видел я их не так часто — когда отсиживался там зимой в буран или когда пригонял стадо. А в основном я пропадал в степи и был там призрачным хозяином самому себе и своей скотине.

Я мало что понимал в пастушестве. Но другого просто некого было назначить, и это меня спасло: в том смысле, что я остался в степи. К счастью, нашёлся и мне прекрасный учитель — вороная кобыла. Недаром я называю её Самой Умной Лошадью, сокращённо СУЛ. Она, можно сказать, сделала из меня настоящего пастуха. Но вначале, как я говорю, не обошлось без недоразумений...

Одно такое недоразумение было очень грустным, и связано оно с самой СУЛ, с нашим первым выездом в степь. Случилось это ранней весной, в апреле, когда повсюду в степи ещё блестели острова снега и рябые от ветра сизые лужи, похожие на озёра. Несколько саманных домиков, кошара и конюшня на пологом сером холме утопали в растоптанной людьми и скотиной грязи. По этому месиву мне приходилось пробираться в казённых валенках, потому что сапог у меня не было.

В тот день я проснулся поздно, ибо не знал, что мне, собственно, делать — должны были перевести меня на другую работу.

Спал я на соломе, возле печки с вмазанным казаном, в котором варили и

похлёбку, и чай из пригорелых корочек хлеба. Когда я открыл глаза, сумрачные облака уже щурились в маленькое серое окошко.

Тут меня позвал Касу — возчик сена. Он спал в соседнем домике в казахской семье и столовался там.

— Пастухом будешь! — объявил мне Касу потрясающую новость, и мы вышли.

Над раскисшей степью носился ветер. Он налетал на наше сиротливое жильё, теребил на плоских крышах сено, которым казашки подкармливали своих коз и овец, рвал с верёвок развешанное для просушки разноцветное бельё, сбивал с деревянных карнизов звенящие сосульки.

У подножия холма, где высился колодезный журавель, толпились вокруг деревянных корыт быки и коровы. Они тыкались мордами в желоба, мычали, задирая хвосты и роняя в грязь дымящиеся лепешки. В стороне — на склоне — стояла кучка людей, среди которых я заметил и заведующего фермой, — все они смотрели поверх стада, в степь. Там пастух гонялся за какой-то лошадью, пытаясь поймать её арканом.

— Пешком больше не будешь ходить, — говорил Касу, пока мы шли с холма к людям. — Верхом будешь ездить. Вон тебе новую кобылу ловят. На старой пастух в армию уезжает...

Я ничего не сказал, но было мне невесело, потому что я никогда ещё верхом не ездил. Когда-то, в детстве, на даче под Москвой, я ходил с колхозными ребятами в ночное и раза два взбирался на лошадь — но что это была за езда!

Я думал об этом, с трудом выдирая ноги из грязи, поспевая за Касу, которому было легче, потому что он был в сапогах. А мои валенки размокли, к ним прилипала глина комьями, ногам стало мокро и холодно.

Когда мы подошли к людям, кобылу уже вели из степи. Она задрала морду, взбрыкивала. Её держал под уздцы мой предшественник, брат заведующего фермой, сидя в седле на своем пегом, с которым он сегодня же отправлялся в посёлок, а потом в район и далее — на фронт...

Я смотрел на кобылу, которую он вёл, а все смотрели на меня, русские доярки и казашки, ухаживавшие за овцами, и казахи — возчики сена, и сам заведующий фермой Айтчан — кто с улыбкой, кто с неожиданным для меня интересом: ещё бы — новый пастух, это всегда событие!

Заведующий Айтчан был крепким казахом с тонкими мышиными усиками на смуглом лице, он недавно вернулся раненый с фронта, хорошо говорил по-русски, даже любил щегольнуть русскими словечками, правда, не без акцента и порой невпопад.

— Принимай кобылу! — сказал он. — Смотри, чтоб не укусила!

Моя кобыла оказалась чёрной как смоль молодой лошадью с белой звез-

дой на лбу. Красивой я в тот момент не мог её назвать: уж очень худа она была, с отвисшим животом и кривыми ногами. Я шагнул вперёд с замирающим сердцем... Кобыла дёрнула повод в руке пастуха и повернулась ко мне задом... Я невозмутимо сделал второй шаг, и тут все закричали, а Қасу бросился вперёд и отдёрнул меня в сторону...

— Ты что — никогда на лошадь не садился? — сердито крикнул Айтчан. — Спереди подходить надо! Покажите ему, посадите!

Все уже смеялись, предвкушая последующее, но никто не предугадал событий. Я тоже.

С мрачным отчаянием повернулся я к лошадиной морде. Қасу стоял рядом. Я протянул левую руку и схватил дрожащими пальцами повод, глядя в огромные ультрамариновые глаза... Лошадь оттопырила чёрные замшевые губы с большими редкими волосами на них, оскалилась и, раздув дрожащие огромные ноздри, дохнула мне в лицо тёплой волной воздуха...

— Давай садись... хватай за холку, — сказал, тоже волнуясь, Қасу.

Он набросил на спину кобылы старую, замасленную ватную фуфайку — седла мне не полагалось, я обнял тёплую гривастую шею, лошадиная кожа под моими пальцами вздрогнула, Қасу подсадил меня, перевалив на широкую вогнутую спину, и я очутился верхом.

Я сразу почувствовал себя в высшей степени неуверенно. Мышцы всего тела напряглись, будто я не на лошади сидел, а стоял на канате под куполом цирка. Глядя в улыбающиеся подо мной лица, я боялся пошевельнуться, со страхом думая о том, как вся эта махина сейчас двинется.

— Чапаев! — сказал Айтчан. — Погонишь стадо вон туда, — он протянул руку на восток, — где в скирдах сено с Қасу брали... да ты знаешь... ну, паняй!

Так он выговаривал слово «погоняй».

Я тронул поводья — едва-едва, осторожно, — и лошадь подо мной двинулась по склону холма к стаду — чёрт возьми! — она шла всё быстрей, норо-

вя побежать, а я, трясясь на её спине, на дурацкой скользкой фуфайке, стал сползать на один бок. Стоящие позади внимательно наблюдали — я это чувствовал спиной, — я натянул поводья, пытаясь приостановить лошадь, но она шла всё быстрей, а я сползал всё ниже. Тогда я перевесился на другой бок, чтобы выровняться, и пополз в другую сторону — лошадь побежала! Но вдруг как-то странно упала на передние ноги, перелетев через голову, я через неё — произошло всё в одно мгновение, и вот я уже лежал в грязи на спине...

— Держи! Убежит! — крикнули сзади.

Я вскочил и увидел, что она молча стоит передо мной в двух шагах — чудеса! — не думая о предосторожности, я подошёл к ней сзади и взял повод — она виновато смотрела на меня, за моей спиной раздался вздох удивления, и тут лошадь жарко шепнула мне в самое ухо:

— Не бойся! Я не убегу... и не укушу тебя...

Но этого никто не услышал — даю вам честное слово! Я и сам тогда подумал, что это мне только кажется...

— Ты смотри: точно Чапаев! — сказал Айтчан.

Другие тоже что-то заговорили — их голоса звучали как в тумане, — я понял только, что они не знали: смеяться им или восторгаться, один лишь Касу искренне радовался.

— Молодец! — подбодрил он меня, и я, осмелев, уже сам взобрался на лошадь и потрусил дальше, боясь снова упасть и размышляя про себя об удивительных лошадиных словах и о том, почему она так странно упала...

Забегая вперёд, объясню это грустное недоразумение: моя бедная лошадь была больна, у неё были ревматические ноги, которые плохо сгибались — так называемый шпат, — на ней слишком рано начали ездить, когда она, в сущности, была ещё ребёнком. Оттого она спотыкалась даже на ровном месте. Мы с ней и после постоянно падали. Со временем я к этому привык и только старался упасть половчее. Мне её всегда было очень жаль. Да и она меня жалела: только что вы сами в этом убедились. Никто не знал, что Самая Умная Лошадь умела говорить. И я никому об этом не сказал.

Я сам объясняю эту её способность тем, что она сильно болела и страдала и оттого стала намного умнее других лошадей.

Отчего же она заговорила именно со мной? Объясняю я это своим тогдашним особенным состоянием, развившим мои собственные способности, отчего я и научился её понимать...

Так я стал пастухом. Выгонял я скотину ещё затемно, когда гора Семиз-Бугу пряталась в сумерках, а ветер на ощупь шарил вокруг саманных стен с маленькими окошками, за которыми слабо колебалось пламя коптилок. Стадо спускалось с холма, шумно дыша, спеша и толкаясь: всем хотелось пожевать подснежной травы.

Солнечные дни становились всё чаще и длинней. Всё позже возвращались мы домой к обеду, всё позже к ужину. Но и тут не обошлось вначале без недоразумений.

Дело в том, что возвращаться надо было к определённому часу, когда доили коров и когда я поил стадо возле колодца. Но часов-то у меня не было — какие там часы в те голодные годы! — свои московские я давно променял на буханку хлеба, съел их. Да ни у кого не было часов, разве что у Айтчана. На них все на ферме смотрели как на ненужное чудо, потому что чувствовали время безо всяких часов. Все, кроме меня. И тут меня опять спасла моя лошадь.

Продолжение в третьем номере

Снегирь

Гаичка

Клёст

Поползень

Воробей

Большая синица

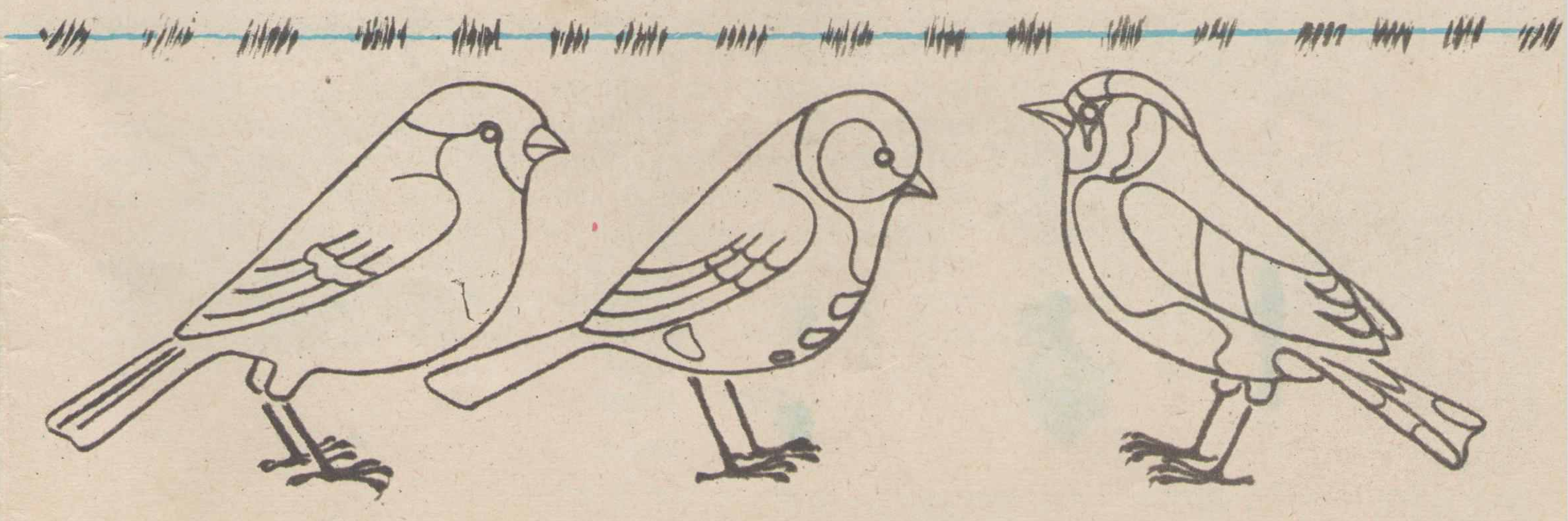
Сорока

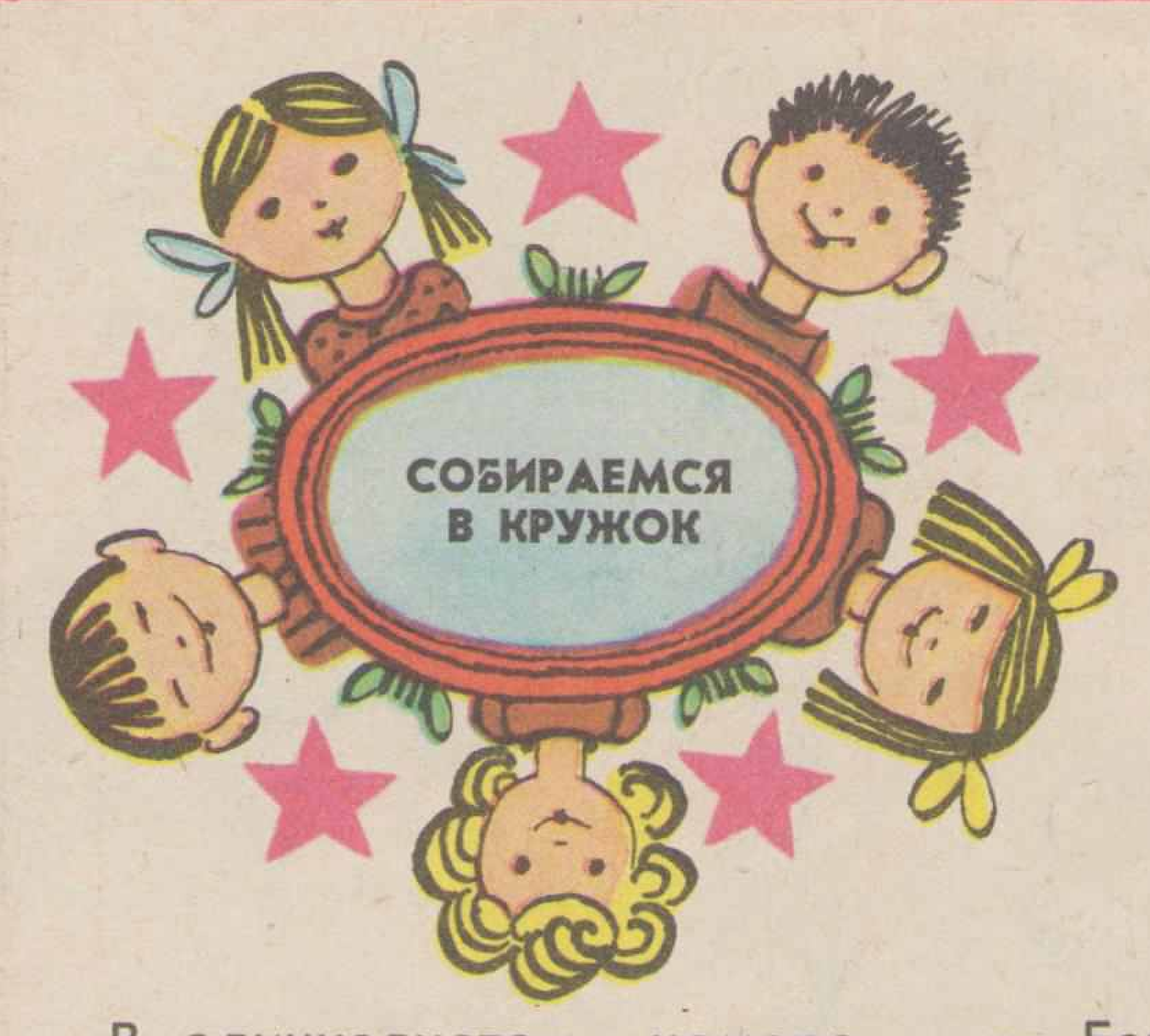
Щегол

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

КТО ЗИМУЕТ С НАМИ

Рассмотри птичек и прочитай, как они называются. Внизу — три нераскрашенные птички. Найди их на верхней картинке, подпиши и раскрась.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ДРУЖБЕ

В одиннадцатом номере прошлого года мы задали тебе несколько вопросов о дружбе. Тебе пришлось, наверное, подумать. Потому что совсем непросто дружить так, чтобы друг мог отдать тебе билет в кино, а ты его, неумелого и неуклюжего, — взять в свою команду.

Мы получили много ответов. Сегодня на два вопроса ответят Батыр Тохтахунов из 58-го интерната Москвы и Толя Белолипецкий из школы села Редькина Московской области.

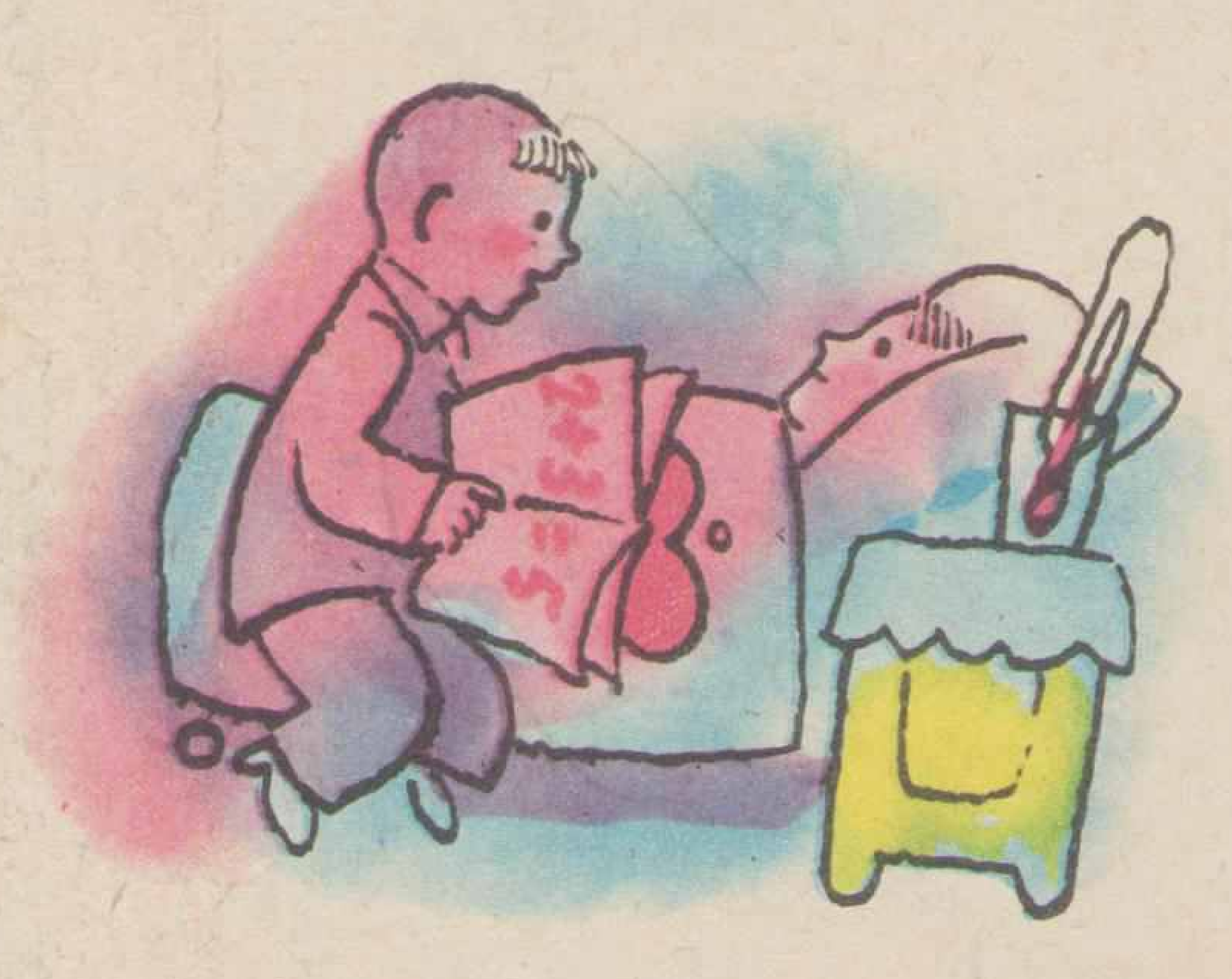
— Если я делаю что-то неправильно и друг говорит мне, что я не прав, — отвечает Толя, — я на него не обижаюсь.

— А я обижаюсь иногда, — не соглашается Батыр.

— А если мы нашли один билет в кино, — говорит Толя с твёрдостью, — то я отдам его другу.

— А я, — улыбается Батыр, — попробую спрятать товарища и провести в зал, а там подвинусь и посажу рядом.

Мой друг

Я прочитал ответы девочек и мальчиков на вопросы анкеты. И многие из них мне понравились. Потому что в них есть главное: ребята помнят о друзьях — бескорыстно, по-доброму. Думают, как помочь товарищу, хотят взять с собой в спортивную команду, не любят важничать, задаваться, прислушиваются к советам друга. Я понимаю, как это хорошо, если это получается на самом деле, потому что, читая письма ребят, сам сделал большое

открытие: у меня в детстве был очень хороший друг.

Я жил в ту пору у своей доброй тётки. Но моя добрая тётка всё время уходила на работу, брат убегал в школу, и я оставался один. Помню, как меня охватывала невыносимая тоска. Но вдруг однажды из-за гардероба, которым моя тётка загородила дверь в смежную комнату (чтобы оттуда не пролезли микробы, потому что сосед Мишка болел ангиной), раздался шёпот.

— Эй! Ты один?

— Да, — ответил я.

— А что ты делаешь?

— Ничего, — сказал я, отходя подальше: от этого голоса ангиной так и несло.

— А я читаю. Хочешь, прочитаю тебе про Мюнхгаузена? Захохочешься.

— А ангина не перейдёт? — спросил я.

И ангина, конечно, через гардероб не перелезла. Но вместе с этим чтением пришла к нам долгая-долгая дружба.

Мы с Мишкой не могли расстаться и на час. Я — это уж точно.

Я не мог дождаться, когда он придёт из школы, а он, бросив портфель, тоже первым делом бежал ко мне. Не помню, часто ли мы вместе ходили в кино и отдавали ли друг другу билеты. Но всё, что видели, вместе обсуждали. И переживали так, будто вдвоём только что принимали участие во всех этих кинособытиях. В Чапаева — вдвоём! В Суворова — вместе! И хотя Миша был старше и чаще оказывался командиром, он командовал как-то так, что никогда не было обидно. Он только иногда подтягивал меня: «Не отставать!»

С той поры прошло много лет, и я мог бы рассказать о другой дружбе. О том, как выносил меня, обмороженного, на плечах уже другой товарищ. Как помогали мы друг другу во льдах Арктики, как делились хлебом.

Но вот, когда прочитал я ребячьи письма, мне вспомнился почему-то наш дом, наш гардероб, который не помешал дружбе, и Миша. Мой первый командир и товарищ.

В. КОРЖИКОВ

НОВЫЙ КОНКУРС „МУРЗИЛКИ“

Многие читатели просили в наступившем 1976 году объявить новый конкурс. Мурзилка согласен. Мурзилка принимает предложение октябрят из 36, 46 и 71-й школ города Свердловска.

НУ И СМЕШНАЯ ВЫШЛА ИСТОРИЯ!

Так он называется, этот новый конкурс. Принимаются истории, если они смешные, если они произошли на самом деле, а не были вычитаны где-нибудь. Лучшие будут напечатаны. А художники журнала обещали нарисовать к ним весёлые рисунки.

Было весело на горке
Тане, Пете и Егорке,
А Наташа не каталась —
В снег упасть она боялась.

Найдите Наташу.

ТЕЛЕФОН

Г. ВИЕРУ

Плавала рыбка на глубине,
Нашла телефонную трубку на дне.
Думает рыбка: «Найду-ка родню,
Или подругам своим позвоню».
— Алло-алло!
Где-нибудь рыбки другие скучают —
Не отвечают, не отвечают...
Хоть бы «нет дома» услышать в ответ,
Но ведь у рыб даже домика нет.
— Алло, алло!..

Перевёл с молдавского Я. АКИМ

Рис. В. КУДРЯВЦЕВОЙ
М. РЕБИНДЕР,
В. ХЛЕБНИКОВОЙ

ПТИЦА

Г. ОСТЁР

Два крыла петух развёл,
Стал петух гордиться:
— Я, — сказал он, —
Не орёл,
Но немножко птица.
Если очень захочу —
Закричу и полечу.

На рисунке слева и справа ёлочные шарики. Посмотри, каких шариков нет на ёлке.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
Л. Петрова

Сдано в набор 10/XI 1975 г.
Подписано к печати 27/XI 1975 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 1922.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

18=18

Рисунок на обложке В. КОНАШЕВИЧА „Старик-годовик"

Цена 10 коп. *Рис. В. КУДРЯВЦЕВОЙ* Индекс 70553

Внимательно посмотри на картинку и найди 10 игрушек.